

РОССИЯ НА ПУТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В последнее время всё чаще и чаще появляются грандиозные планы экономического развития России. Однако, как это часто бывает в России, не обходится без мифологем. Действительно, в последние годы приняты новые законы о земле, труде, деюрократизации, новые правила и регламенты для судебной системы, разработана концепция административной реформы и начали претворяться в жизнь национальные проекты в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и сельского хозяйства. Однако возникают вопросы: за счет чего это удалось сделать, каковы составляющие экономического роста? На сколько быстро развивается новая экономика и удалось ли преодолеть монокультурную специализацию страны? Как сделать этот экономический рост устойчивым и необратимым? Все ли сделано для того, чтобы повысился научно-технический потенциал Российской Федерации? Что способствует и что препятствует перерастанию России из общества индустриального в общество постиндустриальное?

Россия, имея индекс равный 0,802 попала в конец первой группы стран с высоким уровнем человеческого развития, оказавшись в одной группе с такими странами как Бразилия, Мексика, Саудовская Аравия и Ливия. От развитых стран Россию отделяет, прежде всего, и главным образом, низкая продолжительность жизни. По этому показателю она находится на 119-ом месте. По остальным показателям разрыв не столь велик. Более того, сложилась парадоксальная ситуация, что по показателю ВВП на душу населения Россия занимает даже более выгодную позицию (58), чем по индексу развития человеческого потенциала (67). По объединенному показателю доступности начального, среднего и высшего образования – 31-е место, и здесь уже есть существенные резервы¹.

Развитые страны, по-прежнему, затрачивают не только в абсолютном, но и в относительном выражении гораздо больше средств, чем Россия. В 2003 году Россия тратила на здравоохранение в 1,5 раза меньше, чем Швеция, 2 раза меньше, чем Германия и почти в 3 раза меньше, чем США.

Второй параметр, входящий в состав индекса человеческого потенциала – это образование. Успехи российского образования – очевидны. Однако если их оценивать по получаемому доходу, то они смотрятся довольно скромно на фоне остального мира. Эффективность вложений в человеческий капитал проверяет рынок. В конечном итоге важным элементом этой проверки является уровень национальной заработной платы. Однако если их оценивать по получаемому доходу, то они смотрятся довольно скромно на фоне остального мира. Высшее образование стало социальной нормой, которое неадекватно отражает уровень способностей.

В 2004 г., почасовая заработная плата в промышленности составляла в России 1,7 долл. США, и хотя это было в три раза выше, чем в Китае, Индии и Индонезии, но в 1.4 меньше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Латинском Америке. Тогда как по производительности труда в промышленности России находилась на том же уровне, что и страны ЦВЕ и Латинском Америки².

Однако по сравнению с группой семи, почасовая заработная плата отставала в 13,5 раза, а со странами Северной Европы (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия) и того

больше 18,2 раза. В то же время по производству добавленной стоимости на одного занятого разрыв не столь велик: он составляет 2,3 раза для "Группы семи" и 2,6 раза для Северной Европы. Из этого следует, по меньшей мере, два вывода. Большой разрыв в производительности труда (в 2,6 раза) свидетельствует о том, что у нас есть большие резервы для её повышения. А разрыв в заработной плате позволяет использовать рост заработной платы как стимул повышения производительности труда. Именно об этом писал Гуннар Мюрдаль³.

Общий вывод, который можно сделать, довольно не утешителен: структура оплаты российских граждан не соответствует эпохе НТР. Более того, сложившаяся система образования не способствует исправлению ситуации. Высшее образование стало социальной нормой, которое неадекватно отражает уровень способностей. Между тем на Западе повышение образования способствует росту уровня оплаты труда.

Характерно, что каждый уровень образования в США способствует повышению годового дохода домохозяйств, причём разрыв этот очень значителен. Американцы, не сумевшие окончить 9 классов 12 летней средней школы, получают в 6 раз меньше, чем те, кто защитил докторскую диссертацию в университете. Однако важен не только этот финальный разрыв, важны градации: те, кто закончил среднюю школу получают в 2 раза больше, чем не закончившие её; получившие степень бакалавра – в 2 раза больше чем те, кто имеет аттестат о среднем образовании. Обращает на себя внимание то, что важно не только учиться в школе, но и сдать выпускные экзамены на аттестат зрелости, не только посещать университет, но и получить аттестат бакалавра, не только учиться в магистратуре, но и защитить магистерскую диссертацию⁴.

Однако сохраняющаяся в России система высшего и среднего специального образования не способствует решению указанной выше проблемы. Поскольку большая часть образовательных услуг, в настоящее время, предоставляется государством бесплатно, возникает естественное стремление получить эти блага в максимальном количестве, независимо от роста их отдачи. Получение образования является тем общественным благом, которое увеличивает разрыв между ожидаемыми частными выгодами и частными издержками. Так как этот разрыв растёт с каждым годом обучения, то в России появляется естественная тенденция к росту продолжительности обучения, независимо от отдачи, которое это обучение могло бы принести.

Не удивительно, что Россия в настоящее время по производительности труда оказывается ближе к Румынии, Болгарии, Украине и Белоруссии⁵. Правда, совокупная производительность труда в России в начале XXI века значительно выросла. Однако причины этого роста общеизвестны. Это произошло за счёт роста нефтегазового сектора, на долю которого приходилось 20% ВВП России, но менее 1% занятости⁶. Производительность труда в нефтегазовой отрасли была почти в 30 раз выше, чем в других отраслях промышленности. Однако в последнее время ситуация ухудшается, так как занятость в этом секторе растёт быстрее производительности труда.

Необходимым условием роста производительности труда является развитие фундаментальных и прикладных научных исследований. И здесь былые успехи российской науки тоже очевидны. Однако за последние 11 лет число исследователей сократилось на 130 тыс. чел., техников – на 35 тыс. чел., вспомогательного персонала – на 60 тыс. чел., прочего персонала – на 30 тыс. чел.⁷. Конечно, коммерциализация науки предполагает оптимизацию числа научных сотрудников. Однако, если это происходит без существенной перестройки организационных механизмов и управления, это может нанести существенный ущерб науке.

Хотя по-прежнему Россия занимает 3-е место в мире по численности занятых в сфере НИОКР, по внутренним расходам на исследования и разработки она уже переместилась на 9-е место⁸. Однако за этими общими цифрами скрывается еще более печальная ситуация. Если мы пересчитаем расходы на исследования и разработки на одного занятого в сфере НИОКР, то окажется, что в России в 2004 году они составляли 17 тыс. долл. по ППС. В этом году в Польше они составляли 34 тыс., в Чехии -67 тыс., Китае – 82 тыс. США -130 тыс., а в Южной Корее – 146 тыс.⁹.

Ориентация на НИОКР имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, ускоряется внедрение в производство научных и опытно-конструкторских разработок. С другой - это приводит к тому, что начинается отставание задела фундаментальной науки¹⁰. Правда, изменения пока не столь велики. Однако если эта тенденция сохранится, то будут утеряны сравнительные преимущества, которыми, ещё недавно, обладала Россия в области фундаментальной науки. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть исследований и разработок в предпринимательском секторе осуществляется за счёт средств государственного бюджета, что позволяет некоторым экономистам писать о «паразитизме частного сектора на ресурсах госсектора»¹¹.

Эффективность вложений в науку отражается на уровне внедряемых в стране инноваций. В целом, в России система инноваций сильна на входе и относительно слаба на выходе. Россия по традиции тратит значительную долю ВВП на исследования и разработки. Однако значительная доля этих ассигнований идёт на содержание большого количества государственных исследовательских учреждений, по-прежнему, слабо связанных как с системой подготовки кадров, так и с предпринимательской деятельностью. Коммерческие же организации вкладывают пока очень мало средств в науку. Их пока устраивают возможности экстенсивного роста, роста, основанного больше на расширении рынка, чем на его интенсификации. Поэтому не удивительно, что большинство российских разработок патентуется в других странах, в том числе в США, которые начинают более активно использовать российские научные ресурсы, чем отечественные компании.

В последние годы российское правительство выдвинуло ряд инициатив в области инновационной политики. Предусматривается создание зон технико-внедренческого типа, технопарков и наукоградов. Однако эти меры затронут, в первую очередь, компании, расположенные на территории тех субъектов РФ, где предполагается создание соответствующих зон.

С точки зрения новаторских возможностей Россия занимает общее 35 место. Однако для неё характерен сильный разброс между различными показателями, составляющими этот индекс¹². Так, если по индексу учёных и инженеров Россия занимает 9 место, то по индексу кластерного окружения – 41 место, по индексу связи с вузами – 44 место, по индексу политики новаторства – 58 место, а по индексу деятельности и стратегий компании – только 63 место. Такой большой разброс между разными аспектами новаторских возможностей значительно снижает общую эффективность. Это приводит к тому, что по выходу патентов на международный рынок, мы уже, заметно, уступаем Индии и Китаю¹³.

В качестве основного препятствия в первую очередь называют неадекватную защиту прав интеллектуальной собственности. По мнению М. Портера и К. Кетелс, с точки зрения развития науки и техники, кадровых ресурсов, материально технической базы и развития кластеров, ситуация в России не только не уступает другим странам, но и в ряде случаев заметно лучше их. Здесь наследие плановой экономики играет, скорее, позитивную, чем негативную роль. Это позволяет по качеству общих экономических

условий России занять 71 место среди 127 стран, включённых в обзор глобальной конкурентоспособности за 2007 год. Однако условия спроса, неразвитость рынков капитала, недостаточность рыночных стимулов и наличие ограничивающих административных правил и процедур снижает интенсивность конкуренции и препятствует повышению конкурентоспособности национальной промышленности и экономики в целом. Обращает на себя внимание тот факт, что стороны, которые ослабляют конкурентоспособность, носят не технико-экономический, а институциональный характер¹⁴.

В последнее время наметились негативные тенденции в нашем образовании. Российское образование становится не источником роста среднего класса, а реальным фактором усиления неравенства. Поскольку образование становится платным и наблюдается углубление разрыва в доходах населения, то образование становится всё более разным для разных категорий населения.

Возникают элитные школы и элитные университеты. Это приводит к тому, что образуется первичное образование для избранных очень высокого европейского качества. Всё было бы прекрасно, если бы наряду с ним не возникало образование второго сорта, которое получают низкооплачиваемые слои. Оно дополняется неравенством возможностей повышения квалификации. Возникает порочный круг неравенства образования, которые не только не ослабляет неравенство первичного образования, а наоборот, даже усиливает его.

В результате, возникают социальные корни экономического неравенства. По коэффициенту Джини мы уже сейчас находимся на уровне США. Однако в США существует высокая мобильность между квинтилями: тот, кто ещё недавно был бедным, ныне входит в средний класс, а некоторые представители среднего класса становятся миллионерами, и наоборот, некоторые богатые разоряются и пополняют состав среднего класса.

В России же мы наблюдаем такое явление, которое называется «застойной» бедностью. В неё попадают те категории населения, у которых доходы ниже прожиточного минимума остаются более 5 лет. Разработанный в Министерстве экономического развития прогноз показывает, что даже при очень оптимистических показателях эта застойная бедность за 20 лет (с 2000 по 2020 год) сократится в лучшем случае на 1-2 процентных пункта. В случае пессимистического прогноза её уровень возрастёт в 2 раза по сравнению с нынешним состоянием¹⁵.

¹ Indicator Table 2 – HDR 2007/2008

² Доклад А.Р.Белоусова «Долгосрочные тренды российской экономики», М.: 2005 (www.economy.gov.ru)

³ Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. Vol. I — III N.Y., 1968. Сокращенный русский перевод см.: Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". М., 1972.

⁴ U.S. Census Bureau. March Current Population Survey. Income Statistics Branch/HHES Division. U.S. Department of Commerce: Washington, DC. Table F-18.0

⁵ Портер М., Кетелс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. С. 28

⁶ Там же.

⁷ http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/Main.html

⁸ Реализация конкурентных преимуществ - основа экономического роста в долгосрочной перспективе. М.: ЦМКАП 2007

⁹ Россия 2020: цель – технологическая модернизация. XI Петербургский международный экономический форум.

¹⁰ http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/Main.html

¹¹ Подробнее см.: Л. М. Гохберг. Статистика науки. М. 2003

¹² Портер М., Кетелс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. С. 56.

¹³ Портер М., Кетелс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 47

¹⁵ А.Р. Белоусов. Долгосрочные тренды российской экономики. М. 2005 .